

«Жажда подлинности — это то, на чем зиждется коллекционирование»

Франс Франкен Младший. «Кабинет редкостей и искусств», 1636

Тихон СЫСОВЕВ

О том, почему коллекционирование — это сугубо городское явление, что является самой большой трагедией коллекционера и что его роднит с новоевропейским ученым, «Культура» поговорила с Михаилом ТРЕНИХИНЫМ, искусствоведом, коллекционером, научным сотрудником Государственного музея-заповедника «Царицыно» и заместителем главного редактора Интернет-журнала «Sammlung/Коллекция».

— В каких условиях коллекционирование складывается как культурная практика? Можем ли мы, например, говорить о нем в «до-городской» культуре?

— В принципе, протоколлекционеры были и в Древнем Египте, и в Передней Азии, и в Средневековой Европе. Но для коллекционирования в подлинном смысле этого слова нужна определенная экономическая модель, которая позволяет человеку иметь какие-то финансовые и временные излишки. Все-таки коллекционер — это не просто собиратель, а в первую очередь исследователь. Он должен быть образованным, уметь грамотно организовать пространство для хранения коллекции, иметь опре-

деленное воспитание, внутреннюю выдержку.

Все это вместе было просто невозможно до появления богатой городской культуры. Не зря одни из самых известных коллекционеров Европы появляются в Италии эпохи Возрождения с ее знаменитыми независимыми городами — богатые дома Медичи или Сфорца. Это были люди при деньгах, которые могли себе позволить вкладываться в строительство, поддерживать художников, становиться меценатами, коллекционировать и хранить их произведения. Другое дело, что даже для них коллекционирование в большей степени было статусным занятием.

— То есть для меценатов Ренессанса коллекционирование не было самоцелью, а лишь неким инструментом?

— Да, им было важно показать не только свое богатство, но и свое воспитание, вкус, свой социальный статус. Недаром интерьер играл такую огромную роль в то время — он всегда обставлялся с определенной демонстративностью.

— Что в этом смысле изменило Новое время — с его особой экономической формацией, небывалым расцветом городской культуры?

— Коллекционирование менялось в этот период постепенно и приобрело окончательные, современные формы уже в восемнадцатом веке. Отныне коллекция

элементы классификации становятся здесь все более заметными. То же самое, кстати, происходит и с фарфоровыми кабинетами в это время.

— А откуда возникает эта страсть к систематизации именно в эту эпоху?

— Это было опосредовано желанием найти себя в точке времени и пространства, если угодно, путем обретения исторических корней. Не случайно именно в это время во всех государствах начинается реконструкция исторической памяти. Государству это было нужно для самолегитимации — мол, посмотрите, какова история нашей нации. А для человека, утратившего общинность деревни, — чтобы обрести в истории свою идентичность. То есть история становится здесь фундаментом, замещающим традиции аграрного общества.

Собственно, когда и для чего появляются музеи? В эпоху историзма. Причем происходит это везде — этот неожиданный интерес к средневековым корням, мучительная реконструкция своей преемственности. С этого момента начинается научное осмысление истории, а оно, как и любое научное познание, требует системности, каталогизации.

— Выходит, коллекционирование было продолжением новоевропейской науки — с ее декартовой системой координат или знаменитыми таксономиями, о которых пишет тот же Мишель Фуко?

— Именно. По сути, чем более сложной становилась наука, тем более сложными становились коллекции. Здесь корреляция прямая. Но коллекционирование, как и наука, — это еще и творчество. Любая коллекция является отпечатком души коллекционера — его намерений,

ФОТО: ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МИХАИЛА ТРЕНИХИНА

становится именно «коллекцией», то есть некоторым обдуманым и единым целым, систематизированным, ранжированным исторически или с точки зрения культурной ценности.

Даже если мы посмотрим на британские замки, где фризы были украшены массой оружия, то к этому моменту замечаем, что они уже начинают типологизироваться. Условно, тут — мечи такого-то периода, а там — арбалеты. Да, это все еще история про интерьер, но

интересов, вкусов. Собственно, появление первых музеев было связано появлению первых крупных частных коллекций. А они не могли возникнуть в безвоздушном пространстве — это всегда срез некоей эпохи.

— Если продолжить препарирование Нового времени, нельзя ли увидеть здесь еще одну связь — между фетишем, возникшим вместе с рыночной экономикой, и коллекционированием?

— Нет, тут я бы поостерегся вводить толкиновские аналогии — в духе Голлума и его «прелести». Коллекционер, если он настоящий, всегда собирает что-то осмысленно. Он почти всегда выбирает для себя какую-то тему и систематически ее прорабатывает. Конечно, это всегда история про азарт, охоту. И найдя новой редкий предмет, коллекционер на время упивается ею, но очень скоро бросается на поиск новой.

Еще раз: коллекционер — это исследователь, а не накопитель, в то время как фетишист заиклен на обладании. Конечно, любое коллекционирование — это деньги, время, счастливый случай. Но когда у него чего-то нет, коллекционер бросается за новые штудии, углубляет свои исторические знания, а может быть, и что-то пишет. Словом, как нормальный ученый занимается ретрансляцией своих знаний. А вот Кощей, чахнувший над своим златом, не может быть коллекционером.

— Можно ли говорить о том, что коллекционирование еще и потому явление именно модерна, что в этот период в городской культуре рождается понятие досуга, который должен быть заполнен культурно значимой практикой? Отсюда, например, то же явление хобби.

— Это во многом краеугольный аспект. Если мы говорим о жизни на селе, то чем, как правило, занимался крестьянин в свободное от традиционной работы время? Кустарными промыслами. И если мы заглянем в энциклопедию Брокгауза и Ефрона по поводу кустарной промышленности, то увидим, что в качестве примера в этой статье приводится производство вилок, ложек, народных игрушек, керамики, резьбы по дереву и так далее.

В этом смысле аграрный досуг — совсем не то же самое, что городской. На селе — это, как правило, деятельность для дополнительного заработка. Крестьянин «на досуге» изготовит что-то, а потом повезет это куда? В город. А уже потом из города к нему приедут образованные городские коллекционеры в поисках того, чем живет «простой народ».

Вспомним тут опять про поиск корней, историзм — недаром многие коллекционеры в России через свои занятия искали этой самоидентификации, этой «русскости». И вот они приезжают к нему и, к его удивлению, начинают скупать все эти объекты, их изучать, систематизировать, популяризировать, а иногда еще и торговать ими, создавая вокруг целую индустрию.

То есть коллекционирование — это чисто городская придумка. В общем-то, только в городе и можно коллекционировать. На селе для этого просто нет условий — ни социальной среды, ни пространства для хранения, ни времени, ни свободных средств, ни — что самое главное — потребности. А в городе мало того, что есть все условия. В городе есть еще и мода — по сути, это чисто городской тип коммуникации, которая не обходит стороной и коллекционеров. Например, крупнейшие российские коллекционеры — Сергей Михайлович Третьяков, Сергей Иванович Щукин, Иван Абрамович Морозов — создали моду на барбизонцев и импрессионистов, так что теперь мы имеем такие полотна, которых нет даже во Франции.

— Кстати, какие принято выделять мотивы за коллекционированием?

— Мотивов может быть очень много. Но все, на мой взгляд, идет из детства. На-

пример, в СССР, когда были ларьки «Союзпечати», коллекционирование было просто частью воспитания. Я, к примеру, с детства увлекся палеонтологией. И теперь уже мы с дочкой собираем разные окаменелости. А тем же Балканским регионом я заинтересовался, когда учился в Академии славянской культуры. Поэтому я давно коллекционирую награды балканских стран. В этом смысле учеба или работа — очень сильный стимулятор для коллекционера. Главный редактор нашего журнала Алексей Сидельников, проработав несколько лет в Министерстве торговли СССР, начал собирать советские знаки торговли и общепита и теперь знает буквально все об этой системе, о товарах, о том, какой общественный контекст с ними связан.

Коллекционер — это исследователь, а не накопитель, в то время как фетишист заиклен на обладании. Когда у него чего-то нет, коллекционер бросается за новые штудии, углубляет свои исторические знания, а может быть, и что-то пишет. Словом, как нормальный ученый занимается ретрансляцией своих знаний. А вот Кощей, чахнувший над своим златом, не может быть коллекционером

Но думаю, главный мотив, который скрывается за любым коллекционированием, — это эскапизм. Помните, как у академика Панченко была книга «Я эмигрировал в Древнюю Русь»? Вот коллекционер всегда куда-то эмигрирует. Либо во Францию семнадцатого века. Либо на Балканы. Либо в Юрский меловой период, чтобы с удовольствием изучать флору и фауну этого периода. За время эмиграции коллекционер, конечно, все-

гда собирает обширную литературу, а зачастую и сам начинает что-то писать. Поэтому разговор с любым настоящим коллекционером — это всегда путешествие.

Кстати, о мотивации и азарте коллекционера. Интересно, что в СССР считалось (а кое-кто и сегодня продолжают так считать), что коллекционер не может быть сотрудником музея. С одной стороны, заявлялось, что может начаться воровство, хотя мы знаем, что как раз многие музеи в СССР возникли из национализированных частных коллекций. Беспредел обсуждать не станем — это не привязывается к профессии или хобби (а чаще наоборот). С другой, было опасение конфликта интересов. Например, музейщик-коллекционер узнал о

продаже ценного предмета: он предложит его на закупочную комиссию в музей или приобретет в свою коллекцию? Но тут если он хранит графику, а сам собирает нумизматику — какие проблемы? Никаких. Опять же, никогда нельзя клеймить всех как класс.

— А что, на ваш взгляд, является самой большой трагедией для коллекционера?

— Что у тебя нет собеседника, который мог бы понять твою коллекцию так, как понимаешь ее ты. Я встречал очень богатых людей, которые имеют очень серьезные коллекции и которые жаловались мне, что все их знакомые дальше денег ничего обсудить не могут. Вот это отсутствие диалога, взаимопонимания, возможности найти того, кто оценит уровень твоей коллекции, наверное, самое трагичное.

А еще очень многие коллекционеры переживают за то, что станет с их коллекцией после смерти. Нередко они стараются заранее получить тем, кто понимает ее ценность. Чтобы дети не разбазарили то, что стало слепком их души. Мы в Царицыно как раз недавно проводили круглый стол для коллекционеров и музейщиков, на котором обсуждали, что для многих цельность коллекции — самый болезненный вопрос. Ведь даже попадая в музеи, коллекции зачастую просто теряются в фондах, а

каждый коллекционер хочет, чтобы его коллекция была единой.

Вообще коллекционеру по роду занятий свойственна особая трепетность по отношению к культурному наследию. Вы можете интересоваться одной темой, я — другой, но по складу характера мы как коллекционеры поймем друг друга. Поймем по какому-то нерву, ритму жизни, внутреннему миропониманию.

— Возвращаясь к историко-культурному контексту, можно ли сказать, что коллекционирование как практика получает особый внутренний импульс вместе с индустриальной и постиндустриальной эпохами, которые стали производить массовые и наспех сделанные вещи — вещи, которые быстро создаются и столь же быстро исчезают?

— Отчасти это так. В эпоху пластиковых пакетов хочется иметь что-то более устойчивое. Я очень ярко ощутил это во время первого локдауна, когда мы все сидели по домам и общались только по телефону или интернету. Ощущение, что ты можешь здесь и сейчас подержать в руках вещь девятнадцатого века, дает тебе сильнейшую эмоциональную и эстетическую подпитку. В этот момент ты пропускаешь через себя огромный массив исторического материала.

Собственно, поэтому и возникло движение «Искусства и ремесла» (Arts & Crafts) в Англии конца девятнадцатого века. Это был ответ на промышленное производство с его немислимими тиражами. Людям захотелось, вспоминая историю славных средневековых предков, писать картины маслом. Захотелось делать тканевые гобелены ручным способом, хотя это дороже и затратнее. Захотелось керамику ручной работы, а не формовку.

— Нельзя ли в таком случае сказать, что перед лицом масскульта и цифровой культуры у коллекционирования возникают новые измерения, новые смыслы и новые задачи, каких еще не было в том же восемнадцатом веке?

— Если говорить о России, то сейчас очень заметен общественный перелом в отношении к коллекционеру. Появилось понимание, что коллекционер — это создатель, охранитель и популяризатор культурного наследия. В значительной степени это отношение меняется пропорционально количеству выставок частных коллекций и участию частных коллекционеров в музейных проектах.

При этом, если говорить об интернете, особенно в эпоху пандемии, то он еще раз подтвердил, что ничто не заменит живого общения. Да, благодаря интернету многие частные и музейные коллекции стали доступными. Однако знакомство с оцифрованной коллекцией никогда не заменит возможности подержать в руках подлинный исторический предмет. Не случайно искусствоведы всегда учат общению с первоисточником, с оригинальным произведением.

Жажда подлинности — это то, на чем зиждется коллекционирование. Конечно, коллекционер может собирать и копии (в основном, чтобы закрыть определенные лакуны), но он всегда очень хорошо знает о подлинниках. У него, как говорят искусствоведы, есть огромная «насмотренность», он на «кончиках пальцев» способен отличить оригинал от копии. И в этом отношении опытный коллекционер знает о своей теме куда больше, чем любой «книжный» эксперт. Поэтому коллекционер, повторюсь, — это подлинный хранитель культуры.

Зал Поля Гогена в музее Сергея Щукина в Большом Знаменском переулке